

Георгий Виноградов

**ДЕТСКАЯ
САТИРИЧЕСКАЯ ЛИРИКА**

Издание Восточно-Сибирского Отдела
Русского Географического Общества

И Р К У Т С К

1925

Детская сатирическая лирика.

I. Заметки и наблюдения.

Детский фольклор не пользуется особым вниманием собирателей и исследователей. В этой области мы имеем только случайные записи да несколько больших этнографических сборников, где среди прочего материала нашли приют и разнообразные детские песенки, присловья, прибаутки и пр. Таковы собрания Чубинского, Шейна, Соколовых; из сибирских собирателей можно назвать Арфьева, Станиловского, Молотилова.

Поскольку можно судить, опираясь на эти немногие материалы, детский фольклор не является чем-то односоставным или однородным. Термином *детский фольклор* можно обозначить *всю совокупность словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых*¹.

К детскому фольклору мы относим жеребьевки и считалки, некоторые скороговорки и прибаутки, многие песенки, рацейки и тексты рождественского славения, потешки, песенки заговорного характера и т. д.

В этих видах словесных произведений не трудно заподозрить не только связь с общим фольклором, но и прямое влияние творчества взрослых. Благодаря такой связи иногда стираются и не всегда улавливаются границы между общим фольклором и детским словесным творчеством. Отсюда—отсутствие договоренности во взглядах на детское словесное искусство. Так, одну из разновидностей, обычно относимую к детскому фольклору,—именно песенки о разных домашних животных, насекомых и зверях,—Шейн отказывается включить в „разряд детских песен“. Песни о животных „в значительной степени потеряли интерес в среде народа для людей старших поколений“. Если они сохраняются, то лишь потому, что являются „самым желанным, самым удобным и подходящим средством занимать и забавлять приятным образом своих и чужих малюток... Если эти малютки, выросши и возросши до отроческих лет, сами с удовольствием начинают часто употреблять эти самые песенки и прибаутки, то это обстоятельство никоим образом не дает еще нам права выдавать их за такой памятник народного

творчества, по которому будто можно изучать язык, быт и психическую жизнь крестьянских детей“².

Считая это замечание не лишенным оснований, невозможно все же принять его целиком. Не говоря уж о том, что дети перенимают от взрослых только доступное им, близкое, отвечающее их настроению, нельзя не иметь в виду, что названный вид фольклора, идущий в детскую среду от взрослых, в отношении темы, образов, языка, мелодики очень близок детскому миру. Поэтому мы имеем право говорить о нем, именно как о детском фольклоре.

Эти замечания относятся и к так называемым потешкам, т. е. словесным произведениям, определяемым Шейном,³ как „песенные прибаутки и приговоры, которыми дети, вышедшие из младенческого возраста, уже начинают сама себя тошнить и забавлять“.

Влияние взрослых—посредственное в одних случаях и непосредственное в других—здесь несомненно. Безошибочно распознать в напеваемых или присказываемых детьми стихотворениях самобытное и усвоенное от взрослых не всегда удается; однако внимательные наблюдения во многих случаях обнаруживают в них следы творческой обработки, принадлежащей детям, или приурочение их к тем или иным потребностям, выполненное детьми.

То же надо сказать и о колыбельных песнях. Безоговорочно их нельзя относить к детскому фольклору: поскольку они хранятся главным образом детьми и поскольку дети отчасти являются и творцами в этой области, это—детский фольклор; но происхождение их, как и потешек,—не здесь, не в творчестве детей; этот вид словесных произведений создан, если не целиком, то в значительной своей части взрослыми, и только спустился в детскую среду и усвоен ею⁴.

Если во всех этих произведениях перед нами не во всем самобытный плод детского творчества, все-таки в них мы имеем произведения словесного творчества в детском исполнении, в детской редакции.

Вопрос о происхождении той или другой разновидности, о влияниях и пр. нас может занимать в данном случае меньше всего. Всякому известно, что лук (самострел)—не детское изобретение, но никто не возразит против отнесения его к числу детских игрушек. То же в словесном творчестве. Подобно тому, как, например, в области сказки позаимствования у разных народов и из разных источников не мешают нам нашу

сказку считать русской и народной, так и влияния и позаимствования не могут мешать отнесению словесных произведений, хранимых детьми и не входящих в репертуар взрослых, к детскому фольклору.

Имеющиеся в научном обиходе материалы не являются результатом систематических сборов; это только „попутные отложения“ в общефольклорной собирательской работе. Поэтому мы напрасно стали бы искать в существующих сборниках как установившуюся классификацию детского фольклора, так и относящуюся сюда определенную терминологию. А между тем, в целях упорядочения накопленных материалов и некоторого урегулирования дальнейшей работы в этой области, было бы полезно стать в строго определенных отношения к введенному до сих пор и продолжающему входить в научное обращение материалу: сделать попытку выделить основные группы и дать им соответствующие обозначения.

В общем составе детского фольклора наибольшее количество произведений, обращающих на себя внимание, относится к виду словесного творчества, называемому Шейном „передразниваниями“⁵ и „прибаутками, которыми шаловливые ребятишки потешаются и друг над дружкой и над взрослыми, *издеваясь* то над их именами от крещения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности и т. п., *часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы*“⁶.

На этот вид словесных произведений обратили внимание и другие собиратели, например, Чубинский⁷; заметили его и сибирские фольклористы. Четверть века назад Потанин указывал на необходимость записывания „насмешливых присказок к собственным именам“. Арефьев, Станиславский дали небольшой материал из этой области.

Более других записал Молотилор,⁸ который называет эти произведения *складнями*.¹⁹

Эти случайно брошенные обозначения не могут быть приняты в качестве терминов-названий. Они не дают общего, родового или видового, названия, не определяют строго и входящих сюда элементов. „Складень“ Молотилова может обозначать и обозначает не только то, что у Шейна названо „словесной забавой“; этим словом с тем же правом можно назвать и четкую рифмованую поговорку и стихотворное („складное“)

самое доброе пожелание и мн. др. „Передразнивания“ могут быть и в иной словесной форме, не той, которую мы сейчас имеем в виду, а „прибаутки“ бывают, как известно, не только издевательского и насмешливого характера. Самое слово указывает на *декоративное*, во всяком случае, не самостоятельное, *значенные* прибаутки. А, между тем, в разбираемых стихотворениях мы имеем дело с словесными произведениями, живущими самостоятельной жизнью, несущими самостоятельную функцию. Разбираемые стихотворения содержат элемент язвительности, *издевательского*; прибаутка говорится только „для красного словца“. Поэтому использование этого термина в данном случае не является обоснованным. „Насмешливые присказки к собственным именам“ исчерпывают только часть, и при том не самую значительную, словесных произведений, которые нас интересуют.

Такая неопределенная, невыразительная и не емкая терминология не может удовлетворить запросов изучающих с той или иной целью детское словесное творчество.

В виду разнообразия в отношении формы, построения, содержания стихотворений, какое обнимается этим видом словесных произведений, а также в виду того, что они в своей пестрой совокупности представляют своеобразное *lanx satura*, ближе и полнее определило бы содержание, смысл и характерные особенности рассматриваемого вида детского творчества обозначение, позаимствованное у древних: *satura* или *satira*. Однако выразительный термин *satira*, в нашем случае—*детская сатира*, звучит столь непривычно и чуждо, что на принятие и закрепление его в научном обиходе едва ли можно надеяться. Менее выразительным, но более привычным термином является *сатирическая лирика*, в нашем случае—*детская сатирическая лирика*.

Последний термин (сатирическая лирика) в наше время утратил свое первоначальное значение и в привычном для нас употреблении не достаточно полно и точно передает характер имеющейся в виду группы словесных произведений, не выражая полностью того, что мы имеем в детской лирике осмеяния. Если мы и можем остановиться на нем, то только условившись вкладывать в него содержание, связанное с понятием *satura*: „всякая всячина, поэтическая мешанина, стихотворные произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни“.¹¹

Каждый вид или жанр словесных произведений создается и живет в определенных условиях и призван выполнять то или иное, только ему данное, назначение. На эту сторону и следует

обратить внимание при попытках уловить существенные признаки изучаемого явления и обозначить явление тем или иным словом.

В произведениях русского народного творчества наблюдатели отмечают, „сверх полноты мыслей“, отражение характерных наших свойств. „В них все есть: издевка, насмешка, попрек словом—все шевелящее и задирающее за живое“.¹²

Это свойство—уменье найти „шевелющее, задирающее за живое“—обнаруживается уже в детском словесном творчестве едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще недоступна; в нем—смех жестокий, едкость ничем не смягчаемая¹³. Кажется, невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издечивости. Поводом может послужить одно желание „донять“. А уж если есть серьезный, для всех очевидный, повод, например обнаруженное воровство,—затравят грубыми шутками, насмешливыми песнями.

Известно, что ссора у детей—дело почти повседневное. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действия против другой, в один момент пре-вращающейся во враждебный лагерь.

Сначала обмениваются колкими обидными словечками.

— А, схлюздили, схлюздили! Хлюзды! хлюзды...

— Да вы чо?! Ить эта ваша збрендила... Перва ить Федька закричел, што...

— Канешна, Федька! Канешна, Федька! Канешна, Федька—наперебой поддерживают свои.

— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали—запели:

Федя-медя
съел медведя,
упал в яму,
кричал маму...

Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучшает момент и пускает ответную стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень из враждебного лагеря:

Иван-балван
с калакольни упал...

Если Федька пользуется расположением „свящиков“ (близких, постоянных товарищей), они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый—нестройный, но громкоголосый—хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

Ичка снес,
на базар панес;
на базари ни бирут,
Ваньку за уши тянут...

Вдруг кто-либо другой чем-нибудь даст повод обратить на него внимание, и песня внезапно меняется:

Васька-васёнак
худой парасёнак,
ножки трясутса,
кишки валакутса...

Или:

Тишка-плишка,
жена каратышка,
дети, как плети...

Смотришь—и враждебный лагерь переменял мету:

Хахол-махол
сел на кол,
с кола свалился,
в грязь павалилса...

Или:

Гром гремит,
земля трисетса,
самаход
в лаптях несетса...

Следование песенок во время исполнения одной за другою иногда носит характер словесного состязания или, лучше сказать, песенного прения, весьма близкий к диалогу¹⁴. Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевательских формул в том и другом лагере.

Истощится издевательский материал, начинаются повторения и без того уже не раз повторенных слов,—тогда обе стороны, не слушая друг друга, поют каждая свое...

Они взаимно насмеваются в безутышной перестрелке неожиданно и метко бросаемой рифмой, наскоро сложенной

насмешливой песенкой, уснащенной подчас ядреным деревенским словцом,—повторяют, не подозревая того, старую и из века в век новую историю:

versibus alternis opprobria rustica fudit
libertasque recurrentis accepta per annos
ludit amabiliter. donec iam saevos apertam
in rabiem coepit verti iocus et per honestas
ire domos inpune minax¹⁵.

Интересующемуся детским словесным творчеством поучительно наблюдать, когда обе ссорящиеся и сражающиеся группы равносильны. Интересно присутствовать и тогда, когда ватага шалунов „нарывается“ на мальчугана, который талантливо „отъезжает от семи собак“. Впрочем, на такого редко и нападают; обыкновенно для травли избирают „таковского“.

По тому или иному поводу пристанет к нему толпа и хором повторяет „одно по одному“ бесконечное число раз подходящее к случаю стихотворение... Попытки укрыться, спастись бегством редко удаются. Даже если и удачным будет бегство домой, то многоголосая крикливая песня будет раздаваться у самых ворот, пока „большие“ не прогонят ватагу ревунгов или пока им не надоест исполнение номера, не попадающего в цель. Один за другим ребята разбредаются, и только самый неугомонный стоит у калитки, смотрит в щелку и долго и упорно нараспев или скороговоркой повторяет отрывки из много раз исполненной хором песенки.

Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит найти бойкое словцо, легкую рифму, вряд ли выищется интересное ребят событие, для „отражения“ которого не нашлось бы готовой песенной формы или не родилась бы новая.

Упоминание мальчугана о том, что в школьном общежитии подают к обеду щи с картошкой служит достаточным поводом и определяет необходимый минимум материала для прозвища: „пшик-картошка“. Приезд из Псковской губернии определяет первоначальное прозвище „скопской“, а желание обострить насмешку, придать ей—путем усвоения мальчугану качеств или особенностей девочки—издевчивый характер перестраивает прозвище в „скопсдырь“. Во многих случаях прозвище разворачивается, принимает стихотворную форму. „Бывают также случаи,—сообщает Молотилгов,—что ребяташки, желая высмеять кого-либо, составляют специальный по адресу данной личности складень“,—и приводит в качестве примера четверо-

стишие¹⁶. Еще пример. Ребятам стала известной мечта одного мальчика сделаться капитаном,—и, как отклик, в товарищеской среде появляется эпиграмматическое четверостишие (см. в „Материалах“ № 79). Любовь к кошке закрепляет за девочкой прозвище „кошкина мать“, за которое рифмой цепляется четверостишие (№ 94).

Заподозренная „симпатия“ вызывает появление импровизированной эпиграммы (№№ 107—вариант; 108).

С целью „острамить“ товарища за кражу или другой порицаемый поступок сговариваются „положить славу“, создают, изливая свое осуждение, краткое стихотворение (№№ 37, 92). Если не найдется готовой песенной формулы, импровизируют.

Если импровизация не покажется удачной, она быстро теряется, а если хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы, ее без уговора или, лучше сказать, по молчаливому договору, признают заслуживающей труда быть сохраненной.

Дитя-художник, счастливый выразитель личных переживаний или настроения группы, не гонится за славой, и авторство его забывается, а пущенной им в минуту вдохновения издевке-портрету или издевке-эпиграмме выпадает завидная доля: ее подхватывают, и она делается достоянием не только группы, где она родилась, а в первоначальном виде или много раз переработанная исполнителями—в соответствии с нуждами, вкусами и дарованиями—сохраняется всем детским населением деревни, а то и переходя за ее пределы. Из определенного чувства или настроения она родилась; эти же чувства и настроения она выражает, приняв законченную форму; она всегда служит целям осмеяния, издевательства.

Таково происхождение и таковы условия бытования песенок—порождения „словесной забавы“, которые пережили несколько человеческих поколений.

Для обозначения рассматриваемых здесь детских сатирических песенок можно или принять названия в готовом виде от исполнителей и ввести их в качестве условных рабочих терминов в научный обиход или из назначения этих словесных произведений вывести для них соответствующие названия.

Дети обыкновенно не дают определенного названия исполняемому словесным произведениям. На вопрос, какую они поют песню, можно услышать: „это вовсе не песня, это так-себе... дразнилка“.

Не встретило бы больших возражений введение термина „дразнилка“ для значительной части произведений детской

сатирической лирики, если бы оно вполне выражало основную сущность и главное назначение этих произведений. Дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека.

Может быть, следует воспользоваться редким и далеко не общеупотребительным, но все же встречающимся в детском общепотребительным, которое означает те самые „передразнивания“, о которых говорит Шейн. Если малораспространенность этого слова в *детском обиходном языке* как будто ослабляет право воспользоваться им в качестве термина, зато оно находит свое основание в том обстоятельстве, что это общенародное слово в живом языке нашло себе место, а затем и в способе использования и в содержании этих детских произведений. Наконец, можно напомнить, что этот термин (в нескольких ином использовании) встречается и в литературе по детскому фольклору¹⁷.

В пределах этого вида можно различать: 1. *издевку-портрет* (см. №№ 56, 62, 70, 114 и др.), 2. *издевку-эпиграмму* (№№ 79, 107—вариант, 108 и др.), 3. *издевку-посрамление* (№№ 37, 78, 92 и др.), 4. *издевку-прозвище* (№№ 87, 93, 95 и др.).

Общие характерные признаки детской сатиры заслуживают того, чтобы составить предмет специального исследования. Эти страницы продиктованы желанием поделиться немногими, мимоходом сделанными наблюдениями над детским словесным творчеством. Такая скромная задача находит свое оправдание в том обстоятельстве, что даже наблюдения, произведенные в пределах сравнительно небольшого материала и не отражающие следов пристального изучения, обнажают некоторые характерные черты детской сатирической лирики.

Издевки построены на рифме, которая является одним из важнейших композиционных средств произведений разбираемого вида.

Любовь к рифмовке у детей—дело общеизвестное. Рифмуют чаще и удачней имена и прозвища. Делается это в тех случаях, когда нужно представить чье-либо имя в смешном виде, и тогда, когда хочется придать своему обращению шуточный тон. Цепкость ребят в этом отношении поразительна. Девочка захотела присвоить себе понравившееся ей вычитанное

где-то имя *Мирра*. Как только это намерение стало известно сверстникам, родилось рифмованное прозвище: *Миронья-дыра воронья*. Достаточно ребенку обнаружить плаксивость, он уже— „рѣва-базарна корова“, „плакса-макса“ или „плакся-макся“. Заметят, что у мальчугана или девочки выпали зубы, за ним на несколько месяцев обеспечено прозвище: „дед—сто лет“...¹⁸.

См. также в „Материалах“ №№ 1—20.

У девочек иногда наблюдается желание придать обращению или прозвищу ласково-шутливый характер.

— Ну, как бы мне тебя подразнить?—задумчиво говорит семи-восьмилетняя девочка Оле—одной из подруг, сидящих на скамеечке около дома. И, помолчав минутку, тоном осененного мыслью быстро повторила речитативом неизбежное: *Оля-боля, Оля-боля...*

Подобных этому (записанному в поселке Боровом), можно было бы привести не мало примеров. Так же родилось там прозвище: *Алеша-балеша* и многие другие.

Из того же источника вышла шутка, известная в том же поселке:

Алеша—балеша,
Мать нехороша...

Первоначальное рифмованное прозвище через прибавление новой части (характеристика матери) разраслось в короткое двустипшие—*дразнилку*.

Путем приращения позднее добытых и оформленных материалов (характеристика отца) двустипшие приняло форму шутки издевки (см. № 61).

Напрашивается мысль, не приближаемся ли мы путем наблюдения подобных фактов к разрешению (хотя бы частичному) вопроса об образовании или происхождении детских издевок. Мне кажется, что некоторый материал для ответа на вопрос о происхождении этих коротеньких произведений я нахожу в своих дневниках, где описываются случаи рождения издевок. Наблюдения над детским словесным творчеством позволяют допустить, что описанные выше стадии проходит значительная часть законченных в своем построении издевок, связанных с именем собственным или нарицательным: имя—рифмованное прозвище—дразнилка—издевка. Ср. №№ 24 и 62, 32 и 75, 35 и 72, 73; 41 и 95, 43 и 88.

Этот процесс образования издевок не всегда выливается в ту форму законченной определенности, которая напраши-

вается при обзоре накапливающихся материалов и в каком виде здесь приводится. В отдельных случаях издевка, как уже указывалось, рождается и внезапно—ex improbitu. Нередко новые стихотворения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, когда старые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Отсюда понятно наличие в издевках реминисценций из произведений книжной словесности, из сказок, песен, народной агнографии (№№ 28, 57, 70, 111 и др.). В иных случаях возможно заподозрить заимствования из частушек молодежи (№№ 78, 106 и др.)¹⁹.

Наряду с процессом образования издевки из более простых форм наблюдается и обратный процесс. Уже говорилось, что признаком издевки, отличающим ее от других видов детской сатирической лирики, надо считать хоровое исполнение; в одиночку редко кто (разве какой отщепенец) пользуется издевкой, исполняя ее solo. Обыкновенно, не имея возможности исполнить ее хором, пользуются элементами ходовых издевок: из полного текста стихотворения в случае надобности вынимается кусок и используется в качестве самостоятельного словесного произведения. Обычно таким куском бывает или рифмованное прозвище или—реже—дразнилка.

Наблюдения показывают, что рифмовка обыкновенно дается почти каждому ребенку; многие могут связать имя с рифмующимся словом в выразительное прозвище; не всякому дано сложное прозвище развить до дразнилки; лишь выдающиеся дети-художники слова в счастливую минуту могут слить вновь найденную вязь слов с материалом ранее известной дразнилки, чтобы получить издевку. Иной раз имеются все необходимые элементы: и рифмованное прозвище и факты или поводы, к которым можно придраться. Недостаает только или соответствующего настроения или выдающегося дарования.

Но достаточно каким-нибудь путем накалиться атмосфере, чтобы сила потребности стала силой творчества, или явиться поэту с ярким дарованием насмешника,—и появление издевки обеспечено. Близость нового стихотворения со старым ходячим произведением (прозвищем, дразнилкой) обеспечивают быстрое его запоминание и распространение²⁰.

Старые песни-издевки для детей не теряют прелести новизны. Они отвечают потребности выразить в слове волнующие интересы минуты. Неизменное присутствие в этой короткой песне нужных в известный момент бойких и вызывающих ноток сохраняют ей оттенок свежести только что возникшей песенки... Впрочем, и всякий новый повод использования всем

известной песни возвращает ей это свойство. Надоест эти песни-стихотворения не могут и в силу краткости периода пользования ими каждым детским поколением: едва ребенок успеет овладеть всем запасом сатирических произведений,—и уже выходит из детского возраста.

Наблюдатели детского быта хорошо знают, как широко развита *общественная жизнь детей*. Достаточно для примера упомянуть о детских сезонных организациях в виде артелей рыболовов, христослабое, или об играх, регулируемых „правилами“ и „уговорами“, дающими в своей совокупности свод неписаных, но всеми строго соблюдаемых „законов“. Нормы, которыми определяются взаимные отношения различных групп детского общества, своей сложностью и разработанностью заслуживают право на внимание не только этнографов, но и психологов и юристов.

Казалось бы, что сатирическая лирика детей должна ярко отразить их общественный быт. В действительности же мы этого не наблюдаем. Используемые здесь материалы (как и те, которые можно было привлечь для сопоставлений) показывают, что детская сатира далеко не всегда носит общественный характер. Тематическая изобретательность в области лирики осмеяния, как обнаруживают наблюдения над текстами стихотворений, определяется событиями детской жизни, редко выходящими за круг интересов небольшой группы лиц. Детская сатира сравнительно редко бывает направлена против враждебной группы; обыкновенно она направляется против того или другого лица. В ней мы имеем дело не с общественной негодующей сатирой, а скорее, если ее характеризовать в общепотребительных терминах и обозначениях, с *эпиграмматическими произведениями*, основной чертой которых является грубое балагурство, входящее в детское словесное творчество существенным элементом, нередко переходящее границы простой забавы. С этой особенностью детской сатирической лирики в известной связи находится выбор затрагиваемых тем и разрабатываемых мотивов.

Кажется, больше всего вызывает к себе детское внимание *внешний облик людей* (№№ 36, 42, 81, 87 и др.) и бросающиеся в глаза перемены в нем (№№ 49, 53 и др.).

Не остаются не замеченными люди другой национальности—отчасти за внешность, отчасти за название; более других известны: немец, поляк, еврей, татарин, цыган, бурят (№№ 43, 88, 44, 41, 42, 95, 110, 89, 40); здесь же позволено назвать хохла (№ 104), поселенца (№ 99). Пользуются вниманием действительные или приписываемые какие-либо

физические уродства: хромота (№ 24, 46, 102 и пр.), близорукость, слепота (№№ 45 и др.), косоглазие (№ 63, 66, 91, 103) и пр., редко—внутренние качества (№ 34).

Отмечаются публичным посрамлением порицаемые детским общественным мнением поступки—воровство, кляузы (№№ 37, 54, 92). В некоторых случаях не остаются без осуждения или осмеяния мода (№ 47), нечистоплотность (№ 48).²¹ Не остаются без внимания симпатия (№ 58, 108 и др.), неудачное ухаживание (№ 107—вариант и др.), обжорство (№№ 35, 72, 88), побои и наказания (№ 83 и др.), неожиданные превращения (№№ 85, 86, 109). Господствующий мотив—беспомощность (№№ 65, 97, 104, 105, 107, 109, 111, 112).

В своем месте было сказано, что в словесных состязаниях только наиболее одаренные („мастера“), и то не в каждой схватке, создают новые произведения; обычно же пользуются готовыми *формулами осмеяния*, — распространенными текстами издевок, в которых, смотря по надобности, делается соответствующая замена слов или фраз; отсюда понятно, почему стихотворения-издевки имеют нескончаемое число вариантов. Творчество художника-ребенка находит свое проявление в выборе и приспособлении готовой формулы к тому или другому определенному случаю: комбинирование получаемых из разных источников материалов, соблюдение ритма, размера и т. д.

Темы детского издевочно-песенного творчества меняются и множатся крайне медленно, потому и количественное богатство ходячих формул осмеяния не находится в соответствии с тематическим богатством.

Разрешая задачи приведения к известному единству всех входящих в то или иное стихотворение элементов, составители используют в качестве стержня для своих построений рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний—действительных или приписываемых осмеиваемому лицу.

В результате имеем:

1. Утверждение, навязывание человеку или группе чем-либо связанных лиц определенных („отрицательных“) признаков и действий,—обычно с настойчивым их перечислением. Ср., например, №№ 56, 57, 62, 65, 77, 79; также: 67—69, 71, 72, 80, 82 и мн. др.

2. Или—редко—отрицание „положительных“ признаков и действий: № 76 и др.

3. Или же, рядом с отрицанием одних, приписывание других признаков или действий: №№ 61, 63 и др.

В других случаях разрешению композиционных задач служит использование диалога. Диалог обыкновенно начинается с обращения, за которым следует 1. вопрос, часто сопровождаемый ответом: №№ 87, 95, 98; 2. просьба: №№ 49, 53, 55, 76; 3. совет (предостережение): №№ 66, 78, 96, или 4. предложение: №№ 46, 60, 74, иногда с обещанием за исполнение: № 46.

В подавляющем числе случаев обращения направлены к лицу, служащему предметом назойливого внимания; иногда—редко—встречаются обращения от лица высмеиваемого: №№ 111, 113.

Желаемый эффект в издевках достигается различными приемами; отметим наиболее характерные.

Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений—глагольных форм—к концу „стихов“²² задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют воображение слушателей все в одну сторону. Резко и стремительно набрасывается мазок за мазком—и создается образ. Ср., например, №№ 97, 110, 111, особенно 112. Благодаря обилию подробностей, от перечисления действий создается впечатление реальности самого образа.

В отдельных случаях комический эффект достигается внесением элемента несоответствия ожидаемого с наблюдаемым (при чем комизм положения наблюдается гораздо чаще, чем комизм речи): вместо съеденного медведя в экскрементах оказывается волк или гусь: №№ 85, 86, или вместо съеденной редьки—Федька: № 106; см. также № 82.

Известны приемы каламбурного осмысливания имен (выведение из одного корня слов, этимологически неродственных); например, Витька—ветер (через Витя—витирок), Яшка—якут (через Яков или Якушка), Колька—калека, Петька—петух, Женька—женюся.

Видное место занимают различные проявления субъективности отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающейся в преднамеренном и настойчивом умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных.

Во многих случаях ироническая форма имен и прозвищ обостряется путем привлечения эпитетов и сравнений.

Эпитеты объективные наблюдаются в немногих случаях; они обычны: косо́й заяц (№ 103), се́ра утка (№ 78) и т. п.

В значительном количестве встречаются *эпитеты субъективные*. Численное преобладание их нужно отнести к особенностям детского восприятия окружающего. Ребятам чуждо распознавание сущности вещей и явлений. Поэтому напрасно мы стали бы искать в детском фольклоре словесные выражения, в которых была бы схвачена та или иная внутренняя сторона, какое-либо внутреннее свойство наблюдаемого; обычно эпитеты фиксируют внешние признаки предметов и явлений. Отсюда преобладание эпитетов, вызванных настроением: барин вшивый—№ 48, черти косые—№ 103, бес косою—№ 91, Иван болван—№ 67 и др.

Большая часть эпитетов—приложения, которым можно усвоить название *эпитетов-прозвищ*.

Шурка-макака, Петька-петух, Мишка-медведь и др.; встречаются *состязные эпитеты-прозвища*, напр., Анна банна-вшивый бок, Шурка-бурка-длинный нос и др.

Поиски меткого и увесистого эпитета приводят нередко к созданию эпитетов, созвучных с определяемыми словами. Примеры: Аркашка—таракашка, Архип—старый гриб, Андрей—воробей, Петро—погано ведро, Нютка—сера утка, коза—стрекоза-выдуплены глаза, Сонька—сова-весела голова, Шурка—ворска-красна головка и мн. др.

Сложные эпитеты в языке детей наблюдаются крайне редко и, сколько могу судить по личным наблюдениям, встречаются преимущественно в обыденной речи; в имеющихся в моем распоряжении записях нахожу только один-два примера; вот наиболее удачные: бойкую, острую на язык девочку называли Грунькой „скоропёрдой“ (Тулун); напевно слово: „скопсдырь“; приведу прилагательное: Матрена „махнанога“ (в песенке).

Видимо, детский язык обнаруживает бессилие при попытках передать различные оттенки понятий помощью эпитетов. Не имея в своем распоряжении сложных слов, дети принуждены пользоваться *сравнениями*. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим творцов и исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами.

В отношении выражения одни сравнения представляют собою обстоятельства в творительном падеже: голова сучком, нос крючком (№ 102), слюни или сопли тянутся вожжой и т. п.; другая группа сравнений передается при помощи слова как: как клубок, как бодог (№ 56), как плети.

Гиперболизм свойствен сатире едва ли не более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы здесь по временам слишком неестественны, громоздки. Немец — такой обжора, что за один прием съедает почти целую корову (№ 43) или даже корову с быком или семь сотен поросят (№ 88); борода у Алешина отца — с аршин (№ 61); у Сани нос так велик, что на нем можно уместиться для завтрака (№ 81) и т. п. Разновидность гиперболы, именуемая литотесом, встречается реже; в „Материалах“ имеем: отец — с кувшин (№ 61), баушка и дедка так невелики, что умещаются в кармане (№№ 98, 110).

Из средств поэтического языка, используемых в детской сатире, можно также отметить *повторения* (№№ 70, 74, 81, 108).

Дети-стихотворцы и исполнители соотносятся с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Это однако не устраняет того факта, что во многих стихотворениях допускаются „ухабы“ или перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер (№№ 51, 68, 73, 77, 89, 112).

Нарушения ритма словесных произведений ощущаются и сознаются *при чтении*. Чутко относясь к „складу“ стихотворной речи, предназначенной для произнесения, напр. в считалках, в произведениях хоровой поэзии дети не всегда замечают нарушения, так как стихотворения-изделки создаются при пении и предназначаются для хорового исполнения. В пении „ухабы“ или перебои прикрываются удлинением или — лучше сказать — протяжением отдельных гласных, затем — фонетической деформацией слов: перемещением ударений (№№ 69, 84, 104, 105 и др.) и использованием наличных акцентных дублетов (№№ 64, 85, 89, 98, 101 и др.). В отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частицы *то* (№ 82) и слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания: боля, боляша, моля, лепа и др. (№№ 35, 61, 72). Трудно сказать, являются ли эти слова порождением бессилия уловить наиболее существенные признаки или, при умении уловить их, вследствие неумения оформить их в слове. В отдельных случаях имеем дело, возможно, с словами, смысл которых утрачен. Выяснение их образования и функций должно вылиться в самостоятельную задачу.²³

Вслушиваясь в детские стихотворения, редко улавливаешь такие, с которыми связывалось бы представление о „кованности стиха“ или приближении к нему; впрочем, некоторые стихотворения способны привлечь к себе внимание именно этой своей стороной (№№ 70, 78, 85, 86 и некоторые др.).

В детском стихотворчестве наблюдается ясно выраженная тенденция (объясняемая господством *ямбических и хорейческих* размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов²⁴. Слоговая устойчивость несомненна. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5 (№№ 71, 106), от 4—5 до 7 (№№ 63, 65, 67, 74, 80, 83, 100), от 6 до 8 (№№ 72, 108); отклонения сравнительно редки; преобладают стихи четырехсложные и шестисложные; с меньшим упорством держатся семисложные стихи; полиметры, в виде стихов восьмисложных, не часты. Встречаются стихотворения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе (№№ 56, 70, 79, 85, 86, 87, 103, 110). В отдельных случаях встречаются парами трехсложные и четырехсложные стихи (напр. № 91), семисложные и восьмисложные (№ 81) или правильно чередуются четырехсложные и шестисложные (№ 67), восьми и семисложные (№ 78).

В значительной части стихотворений-издевок каждый стих несет на себе два (№№ 62, 65, 67 и др.) или четыре ударения (№№ 70, 72, 78).

В издевках преобладают хорейческие и ямбические размеры. Достаточно упомянуть, что в помещаемых ниже „Материалах“ подавляющее количество хорейческих двустушии; в меньшем количестве наблюдаются двустушия ямбические (№ № 28, 44, 46); некоторые четверостишия и шестистишия (№№ 70, 78, 106, 108 и др.) представляют типичную частушку с ее обычным строем и метром—хоресм. Большая часть хорейческих четверостишии отличается от частушки меньшим числом ударений в каждом стихе.

Преобладание хорейческих и ямбических размеров не случайно: видимо, ямбохорейческая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне стихотворений-издевок, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия издевок—сказать попутно—очень не сложна: она, в общем, та же, что в известных детских песенках, обращенных к дождю или коршуну²⁵. И в исполнении их каких-либо забот о достижении художественной выразительности не наблюдается. Монотонность и однообразие мелодии как нельзя более согласуется с основной функцией издевки. В зависимости от использования хорей или ямба меняется мелодия: хорейческий размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах детских стихотворений часты перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают мно-

гообразные замены и смены одной стопы стопою другого порядка; внесение так называемых малых цезур заметно меняет ритм. Ямбическая и хореическая формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. Достаточно вслушаться в первые приводимые здесь четверостишия, чтобы уловить присутствие амфибрахия, дактиля, пэона, анапеста и пр. Во многих случаях деление на стопы и различение определенных размеров не применимо: в этой части произведений детской лирики мы встречаемся с существенными особенностями так называемого народного стиха.

Среди издевок встречается большое количество с одними мужскими рифмами (№№ 55, 56, 60, 63, 64, 67 и мн. др); есть и с одними женскими окончаниями (№№ 65, 74, 85, 86 и пр.); обыкновенно же наблюдаются эти стихотворения на два ряда окончаний—на мужское и женское (№№ 61, 62, 70 71, 81, 82, 84 и др.); чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное (№ 78, 79, 105, 106), в иных (№№ 101, 102, 104, 108)—неправильное.

Редко встречается рифма дактилическая (№№ 57, 112) и другие.

В преобладающих рифмических периодах, т. е. в четверостишиях, сколько можно судить по приводимому здесь материалу, совершенно отсутствуют рифмы так называемые перекрестные (выражаемые схемой *abab*) и охватные, или опоясанные (*abba*); зато большим количеством представлены рифмы парные, или смежные, обозначаемые схемой *aabb* (№№ 61—65, 70, 71, 74, 81, 84 и мн. др.). Нередки рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. четверостишия с нерифмующими нечетными стихами—типа *abcb* (№№ 78, 83 и др.), к которым можно отнести и стихотворения с нерифмующими четными стихами (схема: *abac*; № 78). В некоторых четверостишиях рифмуют или первые два или последние два стиха, укладываясь в схемы: *aabc* (№ 66) и *abcc* (№№ 72, 82, 88).

Трехстишия обыкновенно построены на одной рифме и срифмованы по таким схемам: *aaa* (№№ 56, 58, 60), *aab* (№ 57), *abb* (№ 55).

Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах—по типу: *aaalb* (№ 95) или *aabbb* (№ 97); встречаются с симметричным расположением рифм—по типу: *aabcc* (№№ 96, 98), как и пятистишия, схема которых может быть обозначена как *aabcb* (№ 99) и др.

Рифмические периоды в шесть стихов построены на трех рифмах, обычно укладываюсь в схему *aabbcc* (№ 105—110); восьмистишия—на четырех рифмах, согласуясь со схемой *aabbccdd* (№ 112, 113). Встречаются и белые стихи (№№ 111, 114—начало), но они—явление очень редкое.

В некоторых детских стихотворениях мы имеем дело с приближением к так называемой точной рифме. Напр., в хоренческом трехстишии № 56, при одинаковом числе слогов в рифмующих между собою стихах, наблюдается 1. почти не нарушенное тождество стиховых окончаний: одинаково звучащие слоги; 2. тождество ударных гласных: везде *о*; 3. тождество заударных гласных: *ь*; 4. одинаковое расположение согласных *б (д)*—*к*.

То же дает четверостишие № 62, где неравномерный по слововому составу словесный материал посредством рифмы организуется в пару двустийши. В первом, как и во втором, сочетании имеем тождество стиховых окончаний: 1. *а(я)нна*, 2. *стой*; тождество ударных гласных: 1. *а (я)*; 2. *о*; тождество заударных гласных: 1. *а*; 2. *й*; тождество (во второй паре) и одинаковое расположение согласных: 1. *б(в)*—*нн*, 2. *ст.*²⁶ Таких стихотворений можно привести не мало (№№ 65, 74, 80, 85, 109 и др.).

Нередки рифмы, получающиеся при тождестве ударных гласных и при различных согласных (см. №№ 70, 82, 86, 95—вторые двустийшия) и др.; встречаются рифмы неравносложные и неравноударные (см. № 67: *крива—пролила*, №№ 68, 89, 102).

На ряду с звучными, четкими рифмами наблюдаются так наз. неточные рифмы, созвучия неопределенные, едва уловимые, звучащие в пении (№№ 26, 35, 40, 43 и др.). Часто созвучие достигается повторением слов: *спала—проспала*, *снес—отнес*, *пошла—нашла* и др. (№№ 59, 100, 106 и др.); это, собственно, не рифмы, а словарные совпадения.

Кроме рифм-концовок, в издевках следует отметить рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха (№№ 56, 61, 62, 71, 77, 78, 96, 112 и др.). Близки к ним созвучия (которые можно было бы назвать корневыми рифмами), образуемые словами одного корня, расположенными внутри стиха; напр.: *Васька-васёнок* (№ 97 и др.), *вор-воришка* (№ 92 и др.) и т. п.

Замечаются начальные рифмы, образуемые рифмованием слов в начале стихов; напр. № 67: колоко (льни)—молоко, № 84: шишки—штанишки, № 98: голос(ом)—волос(а).

Любование звуками слов далеко не чуждо детям-художникам слова. Безотчетно, по чутью, прибегают они к некоторым приемам звукописи.

Из приемов звукописи наблюдается:

1. Использование междометий-звукоподражаний: №№ 82, 90, 105, 139 и др.; 2. игра чередующимися сочетаниями звуков: №№ 54, 66, 79, 84, 106, 108, 112 и т. п.; 3. подчеркивание внутреннего содержания и смысла стихотворения путем выбора слов с повторяющимися звуками: мерное произнесение созвучных слов с доминирующими и повторяющимися в них глухими согласными *ш, л, к* удачно передает звуковой образ шопота и является подражанием шумам и звукам, особенно хорошо знакомым матерям и нянькам (№ 139). Настойчивое следование за беззвучными *б* и *ф*—через перемежающиеся сочетания звуков другого порядка—„скорого, взрывного“ (по Бальмонту) *р* дает некоторое напоминание треска и хруста сосновых шишек под ногами и намекает на звуки произвольного громкого газоиспускания (№ 84)²⁷.

Другой вид детской лирики осмеяния, обозначаемой Арфьевым, как „шутки, по большей части обидные для собеседника“²⁸, а Станиловским, как „присловья“²⁹, зарождается и бытует в иной обстановке и при иных условиях.

У произведений, принадлежащих к этому виду, „свои законы и формы, вызванные органической необходимостью, по которым они и должны быть судимы“³⁰.

Чтобы показать условия, в которых применяются эти „шутки“, или поддевки, привожу некоторые из записей своих наблюдений.

Лето. Праздничный день. Ребят на улице еще мало, чтобы можно было затеять какую-нибудь игру. Два-три мальчугана сидят „в холодке“ (за тенью). Разговор не клеится, да и какой разговор при ежедневных многочисленных встречах с одними и теми же лицами.. Молчат, придумывают, чем бы заполнить время. Молчание, наконец, надоедает.

— Фетьця, скажи: поп.

— А чі?

— Ну, скажи: поп.

— Поп.

— Твой отец—клоп!

В таких случаях обижаются редко. Здесь не так обидна вдруг ударившая фраза, как неприятен самый факт оказаться поддетым. Нужно выждать подходящий момент и ответить тем же.

Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддаться только на что-нибудь неожиданное и новое.

— Проньча, сто да сто сколько?

— Двести.

— Сиди, дурак, на мести!..

Некоторые поддевки этого типа связаны с действиями. Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

— Дуб ли вяз?

— Дуб...

— Тяни до губ!..—ликует поддевшик и тянет нос книзу.

Третий товарищ неожиданно хватает его за нос и вопрошает:

— Дуб ли вяз?

— Вяз...

— Тяни до глаз!..—и тянет чужой нос кверху.

Увидят из окна товарищей в холодке, едва допив „быком“ чай, бегут к ним другие, присоединяются, принимают участие в начатой забаве... Забава эта быстро приедается, так как при большом числе участников состязания запас старых поддевулек оказывается довольно ограниченным, а новые множатся медленно. Ребята в сборе—начинается какая-нибудь подвижная игра.

Утомившись, одни расходятся по домам; другим уходить не хочется... Сидят, молчат. И опять:

— Витька, у тебя под ногам-то мох!—вдруг кто-нибудь прервет молчание.

Витька машинально смотрит себе под ноги, а ему говорят:

— Не кланься, я не бох...

Или:

— Сенька! под ногам-то грязь...

Сенька невольно наклонит голову, чтобы посмотреть под ноги, и слышит:

— Не кланься, я тебе не князь...

И снова молчат. Ребят мало, игра не налаживается. Молчание быстро надоедает.

— Алешка, скажи: Лизавета.

— Лизавета.

— Вот тебе за ета!

И следует удар в спину.

Интереснее и живее протекают такого рода забавы, когда в них принимают участие ребята, сходящиеся не „сто раз на день“, а встречающиеся изредка, время от времени.

Лучшая обстановка для таких сходбищ—пастьба скота или во время страды у костра вечерами, когда „большие“ остаются на полосе заканчивать дневную работу, а ребят шлют „чай варить“, т. е. готовить ужин.

На заимке нередко две-три-четыре семьи. Из каждой бегут ребята чай варить. Иной раз тут же случаются ребята с ближайших соседних заимок. Собирается довольно большое общество парнишек и девченоч, которые в страдное время встречаются лишь урывками.

У огонька вечером, пока готовится ужин, варится картошка, никакой длительной подвижной игры не затеешь: время заполняется спорами, пересудами, шутками, насмешками, рассказами.

Вдруг кто-нибудь всерьез или шутя заподозрит рассказчика во лжи.

— Врешь!

— Раскуси (или: выкуси) пердеж,
в нем ядрышко найдешь,
его съешь,—

„отмочит“ в ответ находчивый поддевала.

Бывает, что или сам поддетый собеседник или кто-нибудь из товарищей заступится, но найдутся и такие, кто „одернет“:

— Тебе какое дело?

И тут начинается словесное состязание.

— Тебе кошка в рот нап....ла!

— Мне хоть кошка,
да немножко,
тебе кот,
да полон рот...

В исполнении такого рода диалогов характерной чертой является быстрый обмен речью; при этом каждый компонент обмена служит репликой, вызывая встречный рифмованный стих—один или несколько.

Трудно найти удачнее в этом отношении пример поддевок, чем тот, который связан рифмой с названием последнего весеннего месяца.

- Скажи: май.
- Май.
- Я п...ну, ты поймай (или: имай)...
- А я буду ловить
да тебя кормить...
- А что останется,
тебе по губам растянется...
- Я это наоборот—
да все тебе в рот...
- А я все на вилочку—
да тебе в дырочку...
- Я все на рогожицу—
да прямо тебе в рожицу!..

См. также № 130.

Чтобы как-нибудь кончить эту череду угроз и обещаний, кто-нибудь из участников состязания или—редко—из свидетелей его скажет:

- Печать!.. и больше не кричать!..

Иная детская группа выдается бесцветная, не выделяет заметных мастеров слова; и тогда она пробавляется старым, унаследованным общеизвестным запасом или, в лучшем случае, прибавляет некоторые новые рифмы или делает вставки... Зато встречается и такой подбор ребят, что из дюжины их выберется два-три недюжинных „таланта“-словесника, обнаруживающихся при словесных состязаниях—в издевках и в поддевках. Хотел бы назвать здесь худоеланца Спирьку Ромашихина (ныне крестьянина в с. Худоелани Тулунского уезда Спиридона Романовича Родионова), способностям которого и теперь его сверстники—люди, перешагнувшие за второй десяток лет—отдают дань удивления, вспоминая сравнительно недавнее детство (1908—1912).

Ленка Ширяев, живой, бойкий одиннадцатилетний мальчуган, слывет в Тулунском поселке большим мастером давать прозвища; ему молва приписывает сочинение двустийший-дразнилок, приводимых здесь под № № 29 и 39; он же снабдил приведенным раньше эпитетом имя своей сестры Груни, которая нередко служит мишенью для стрел его остроумия.

— У тебя, Груня, чирий?—заботливо спрашивает брат.

— Ага...

— Я тебе его заговорю, ладно?

Он обводит пальцем вокруг больного места и серьезно произносит:

Чирий, чирий,
сядь пошире:
где один,
дак там четыре...

В Куйтуне, Тулунского уезда, мне пришлось в 1921 году наблюдать десятилетних Гутю Сизых и Лизу Лыткину (от которых, между прочим, записаны №№ 78, 91, 105 и некоторые другие). В беседе со мною они уверяли меня, что сложенное издевки „про Миронова парнишка Кешку“ (№ 74) принадлежит им. Эти бойкие девочки очень остры на язык и в поддевках.

Следить за ходом словесного побоища, в котором принимают участие такие ребята, для фольклориста поучительно. Интересно наблюдать состязающихся ребят, которых взрослые по разным поводам характеризуют словами: „один—задириха, другой—неспустиха“, когда у них равны прочие условия: опыт, находчивость, одаренность...

В этих состязаниях иногда мы, несомненно, имеем дело с переживанием того, что в отношении признанных поэтов обозначается словом вдохновение, которое у ребят приходит не в „широкошумной дубраве“, а на толпе, присутствие которой возбуждает, собирает и концентрирует силы. При словесных состязаниях, где нужна живость, находчивость, умение ловко вывернуться и во-время сделать удачное нападение,—тут, действительно, „сила потребности есть сила творчества“.

В то время, как издевки исполняются почти всегда толпой,—эта группа словесных произведений предполагает наличие двух действующих лиц. Издевки—хоровая поэзия; поддевульки—произносятся „говорком“. Вопросыответная форма построения издевки встречается как исключение; отличительный признак поддевульки—диалогическая форма. Назначение издевки допускает значительный объем текста; поддевулька должна быть четкой, лапидарной. Сцепление их может быть почти беспредельным (потому то и существует—мы видели—искусственный прием прекращения словесного бега), но каждое звено должно быть легким и кратким.

Для обозначения такого рода произведений у детей, кажется, нет общеупотребительного названия. Изредка пользуются словом *поддевулька* или *поддеулька*. Это слово удачно передает их основной характер, указывает назначение. Наряду с этим словом не только у взрослых, но—хоть редко и не повсеместно—и у ребят, существует другое—*поддевка* (от „поддеть“, поймать на слове). В нем резче, короче, энергичнее схвачена сущность этих слитков крепкого остроумия и цель и характер их применения. Поэтому словом *поддевка* позволительно обозначить разновидность детской лирики осмеяния, о которой сейчас идет речь.

В пределах этой разновидности необходимо различать несколько групп.

Одни поддевки сложены в форме краткого *искусственного диалога*, где нужно *ожидать* возможности быть поддетым (кроме выше приведенных примеров, см. № № 115—130); их—большая часть.

Поддевка формы искусственного диалога строится по несложной схеме. Первая часть этой композиционной схемы—*завязка*, или *приступ*; вторая—*собственно поддевка*. Связью между ними служит *общее* для двух сторон слово (подсказанное одной и повторенное другой), за которое рифмой держится поддевка.

В других поддевках, отливающихся в форму *естественного диалога*, человек ловится на слове совершенно не ожиданно для себя. Отличие в построении этой формы поддевок состоит в том, что здесь отсутствует *общее* слово. Первая часть, которую можно назвать *зацепкой*, или *придиркой*, являясь „речевой акцией“, вызывает соответствующую „реакцию“—*собственно поддевку*, т. е. вторую композиционную часть. Обе части скрепляются рифмой (см., кроме приведенных в тексте, № № 131—135, 139—140 в „Материалах“).

Своим построением напрашивается на обособление небольшая группа *поддевок-заманок*, представляющих собою сравнительно развитый диалог, в котором одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль повторяющего условленную фразу или слово.

Инициативная сторона предлагает:

- Говори за мной: „я тоже“.
- А чо?
- Вот говори—и узнашь.
- Ладно.

- Я пойду в лес.
- И я тоже.
- Я вырублю корыто.
- И я тоже.
- Я в это корыто на...ру.
- И я тоже.
- Свиньи будут есть.
-

Диалог ведется очень быстро, и редкий во время остановится; обыкновенно спохватываются только после того, как „само вылетит“ ненужное „и я тоже“.

См. также №№ 136—138.

В некоторых поддевках-заманках диалогическая форма выражена только участием в разговоре двух лиц, при чем одно из них может не проронить ни слова. В них „реакция“, вызванная „речевой акцией“, обыкновенно обнаруживается не в речи, а в невыраженных словами эмоциях. В диалогах этой группы еще отчетливее выражены две части: первая—*заманка*, вторая—*поддевка*. Пример:

- Рассказать тебе сон?
- Расскажи...
- Я видал во сне,
быдто я—в дрисне,
а ты—в меду...

Здесь заманка кончается своеобразной фигурой умолчания, имеющей назначение сначала усилить или закрепить первоначальную ответную „реакцию“ (довольство своим положением „в меду“), чтоб затем совершенно неожиданно „поддеть“:

- Я лижу с тебя мед,
а ты с меня—дрисню...

Сюда же относятся случаи, когда заманка, как композиционная часть поддевки, не имеет определенной словесной формы, а скрыта в действии.

Когда, например, ребята ложатся спать, кто-нибудь из них „с заранее обдуманном намерением“ предлагает распределить известным образом места на общей постели. Полученное согласие почти всегда обеспечивает успех поддевалы: когда все улягутся, он, дав немного уgomониться, выразительно произносит:

- Я у стенки—
в золотой пенке.

Мишка на краю—
у бога в раю,
Кенка в середке—
в говенной веревке...³¹

Кенка, если он—парнишка находчивый, быстро перестраивает текст подделки и отвечает:

Ты у стенки—
в говенной пенке,
я в середке—
в золотой веревке,

а Мишку оставляет на прежнем месте.

Есть ответы на подделки (используемые и в качестве ответов на издевки), которые органически не связаны с тем или иным определенным стихотворением, имеющим значение „речевой акции“; они известны в незначительном числе формул (№№20—21).

Также мало формул для специального выражения торжества победителей. Свою радость удачник поддевала выражает в двустишии:

Амманули дурака
на четыре кулака...

Иногда эта формула разрастается в четверостишие—путем прибавления еще двух стихов:

на пять костров
подовинных дров.³²

Случается, что обмен рифмованными стихами переходит обычные границы словесной перепалки: одна сторона, испытав бессилие слов, приступает к действию, а другая продолжает поддерживать диалог. Если пущенный камень или палка не долетит, „словесники“ отмечают:

Не добросил,
свою мать забросил...

Если камень или палка пролетит мимо, они констатируют:

Не попал,
свою мать закопал...

Иные прибавляют:

ни в гроб, ни в магилу—
в сабаччу кабылу...

В отношении формы стиха поддевки в большей их части являют собою разновидность детской поэтической речи, которую можно приравнять к так называемому *складу раешников*, характеризующемуся, главным образом, тем, что неметризованная речь делится на стихи произвольной величины, кончающиеся рифмами.

Исследования по теории техники детского словесного творчества вообще и в частности в пределах рассматриваемых сейчас видов могут плодотворно вестись, опираясь на большое количество материалов. Этим исследованиям должны предшествовать подготовительные работы. Одной из таких работ автор склонен считать настоящую статью, включающую попутные наблюдения над поэтикой небольшой группы произведений детского фольклора. Попутные наблюдения (и при том произведенные на количественно незначительном материале)—неизбежно поверхностны и не полны. Тем не менее я счел себя в праве поделиться ими—потому, что на детское творчество в слове с этой стороны до сих пор, можно сказать, не обращено внимания, и затем, чтобы вопросы поэтики детского фольклора считать затронутыми, хотя бы мимоходом.

Излагаемая в этой статье попытка ввести некоторое упорядочение в затрагиваемые материалы, вопросы и темы, конечно, не может считаться совершенной, бесспорной. Вводимые здесь подразделения и связанные с ним названия и обозначения являются в значительной степени условными и только служебными, предлагаемыми лишь в целях достижения большей ясности в определении состава детского фольклора и отчетливости в характеристике отдельных его частей.

Введение новой классификации и новых терминов допустимо только в исключительных случаях. Едва ли будет несправедливо утверждение, что в таком именно положении оказывается народнословесник и этнограф, останавливающий свое внимание на русском детском фольклоре. В этой области мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов, не имеем и устоявшейся терминологической традиции.

Надо думать, что вводимыми рубриками не охватывается все разнообразие детских произведений, названных здесь издевками и поддевками. Об этом можно будет говорить определеннее, когда будет накоплен больший материал, чем тот, который до сих пор поступил в научный оборот.

II. М а т е р и а л ы.

Для детского фольклора, в частности для тех его видов, совокупность которых мы назвали детской сатирической лирикой, мы не обладаем сводом, который представлял бы собою объединение опубликованных в разное время и в разных изданиях отдельных записей и являлся бы необходимым итогом накоплений интересующего нас материала.

Но и до того момента, когда будет выполнена эта очередная задача фольклористов, можно сказать, не боясь преувеличений, что имеющиеся в этнографической литературе записи по затронутой нами теме не свидетельствуют об особенно больших накоплениях. Поэтому всякая удовлетворительная запись произведений детского словесного творчества должна рассматриваться, как далеко не лишней и не бесполезный вклад в большую очередную работу. Пополнение фонда будущего свода материалов по русскому детскому фольклору является скромной задачей опубликования печатаемых здесь записей.

Они сделаны попутно впродолжение последних трех лет при полевых этнографических работах в пределах Тулунского уезда, Иркутской губернии.

Основой записей послужили личные детские воспоминания, затем—непосредственные наблюдения над жизнью детей. Позволю себе к слову сказать, что за четверть столетия, которая меня отделяет от времени непосредственного участия в детских играх и забавах, *в области детского словесного творчества* бросающихся в глаза изменений—в сторону ли большого накопления нового, в сторону ли утрат старого—не произошло. В том же меня убеждают наблюдения лиц, поделившихся со мною своими записями.

Из Тулунского уезда я имею, кроме своих, материалы С. Ф. Гушиной (Тулун-поселок) и А. М. Моловцевой (с. Перфилово и Шарагул). Небольшой материал, относящийся к Урульге (в Забайкалье), получен мною от П. И. Титовой. Записи из Киренского уезда (дер. Баншикова) переданы мне М. П. Дмитриевой и Ф. М. Мишариной. Досуг, обеспеченный мне летом 1924 года, дал мне возможность пополнить мои материалы наблюдениями в Акмолинской области (Боровое), где мои сборы были облегчены помощью А. Ф. Николаевой и С. Н. Маркова. Записи из Ново-Николаевска и некоторые иркутские переданы мне Б. В. Шевяковым, из Омска—В. Н. Самойлович.

Записи моих сотрудников, при сличении их с моими материалами и некоторыми данными этнографической литературы (имею в виду для Зауралья—Шейна, для Сибири—Молотилова), обнаруживают факт широкой распространенности приводимых здесь текстов, а сделанные мною опросы нескольких стариков показывают, что многие из печатаемых сейчас произведений³¹ входили в детский репертуар в середине прошлого столетия.

При текстах не везде указывается, в каком месте, и совсем не отмечается, от кого именно сделана запись,—в силу того, во-первых, что тексты, как уже сказано, являются весьма распространенными и записаны во многих местах названных районов, и потому, во-вторых, что большая часть материалов собрана не от тех или иных определенных лиц, а в играющих группах, естественных детских коллективах.

При передаче сообщаемых текстов было желание приблизиться к фонетической записи, но оно, по причинам, о которых нет надобности говорить, не во всех частях печатаемых материалов осуществлено в желательной мере.

И в другом пункте пришлось, подчиняясь установившейся традиции, отступить от *desiderata* народнословесников. Уступка традиции сказалась в том, что некоторые слова текстов печатаются не полно, с пропусками, глухо и немо обозначаемыми многоточием. Это—так называемые „неудобные для печати слова“. Какие же нескромные или—с точки зрения строгой морали—неопрятные слова содержатся в произведениях детской сатирической лирики? Имея в виду печатаемые тексты, можно сказать, что таких слов здесь нет. Правда, тексты содержат несколько слов, непринятых в нашем обиходе и обычно заменяемых латинскими (по-латыни получается безукоризненно!), но непредвзятый взгляд обнаруживает, что они ничем особенным из ряда прочих слов не выделяются, никаким грязным смыслом или намеком в общенародном употреблении не окрашиваются (ср., напр., обозначение сидячего положения в народном говоре: Селищев—Диалектологический очерк Сибири, I, стр. 118). Слова детской сатиры прямы и решительны, просты и коротки. В детском фольклоре, взятом в целом, встречаются исключения, не укладывающиеся в это утверждение, но они должны быть отнесены к числу тех „вольностей“, которые свойственны сатирической лирике вообще. Резкость и грубоватость, недопускаемые в других видах словесного творчества, не являются неожиданными или неуместными в сатирической поэзии.

Замена слов или их частей многоточием ничем, кроме традиции, не оправдана; это какое-то нерешительное *полупризнание* допустимости их наравне с другими словами—юридическое непризнание при фактическом принятии. Исследователю застенчивое многоточие не дает права оставлять без внимания ту или иную часть текста или читать не то, что дает текст. Если бы сборники подобных текстов предназначались для детей, то для них многоточия оказались бы едва ли желательным наводящим указанием на возможность доискаться какого-то скрываемого смысла.

Для изучения фольклора необходима полная ненарушенность текстов, полная сохранность их формы, содержания, словарного состава. Только она обеспечивает возможность делать заключения, касающиеся возникновения, развития, вымирания устных словесных произведений.

Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение,—в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное само раскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе.

Произвольное „редактирование“ взрослыми произведений *подлинно-детской* устной литературы грубо нарушает их целостность; пропуски и умалчивания, искажая источник, ведут к неправильным заключениям в исследованиях, ставящих себе те или иные—теоретические или прикладные—цели.

Совершенное игнорирование словесных произведений, содержащих *ornithologia rustica*, было бы нарушением аксиоматически простых *desiderata* наших изучений, умаляющим смысл и значение этнографических и фольклористических изысканий.

Рифмованные прозвища.

1. Андрей-индей.	Кешка-пleshка. ⁵⁵
Андрюшка-индюшка.	Лиза-подлиза.
Анисья-на прутике повисла.	Лизуха-подлизуха.
Архип-старый гриб.	
5. Верка-табашна мерка.	10. Любка-юбка.
Витька (или Митька) - ко-	Матрена-ж. .па ядрена.
ровья титька.	Мишка-шишка.
В варианте:	Павел - в штаны наплавил.
солена титька.	Степка-связана ж. .ка.

15. Ульянка-за...нка.
Филька-шпилька.
Жид на г...не дрожит.
Лягаш, штаны продашь?
Обычным ответом служит
фраза:
- „А ты на копейку купишь?..“
Матрос—в штаны натрес.
20. Дразнила - собачье рыло.
Задавала-собачча
обдирала.

Д р а з н и л к и.

22. Алексей божий
обшитый кожей.
Боровое.
23. Алеха-Алексей
полна пазуха мышей.
Вариант:
Алеша-Алексей
полна ж...а карасей.
24. Анна—банна
нога деревянна.
*Акмолинск. у., Киренск. у.
Ср. №№ 56, 62.*
25. Аркашка-таракашка,
Аркан-таракан.
26. Ваня, Ваня, улети
на поповы конопли.
Боровое.
27. Женька—женюся,
женюся—разженюся.
28. Илья-пророк
штаны прожог.
Вариант:
Илья-пророк
накчал в чарок.
29. Колька-калека
съел человека.
30. Кузя, Кузя,
вошь на пузе.
Акмолинск. у.
31. Люда—мила
ногу придавила.
- 31-а. Митька титьку не берет,
сам кататца да ревет.
Шабарта.
32. Мишка-медведь,
научи меня п...ть.
Ср. № 75.
33. Польшка-палеган
штаны пролегал.
34. Сонька-сова,
весела голова.
35. Степа-лепа-требуха
съел корову да быка.
Боровое.
- 35-а. Филька-Филип
на кабыли прилип.
36. Фомишна-булочка пше-
нишна,
ж...а тряпишна.
Киренский у.
37. Шурка-воровка,
красна головка.
38. Шурка-макака
в чашку накакал.
39. Яшка-якут,
в ж...е яйца пекут.
40. Братский, братский на орде
с черемушечкой в руке.³⁶
41. Жид пархатый
номир пятый
(или: нос горбатый).
Ср. № 95.
42. Жид-еврей,
нас...л у дверей.
Иркутск.

Жид маканай
из г..на стряпанай.

Там же.

43. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка.

Омск и др.

Ср. № 35.

44. Поляк, штаны горят,
а ж..а мерзнет.

45. Вятский слепень
наехал на пень.

46. Хромой, верни ногой,
копейку дам.

47. Бараня в салопе
подпоясана по ж..пе.
Или:
Бараня-фуфу.
вся ж..а в пуху.

48. Вшивый барин
вшей напарил.

49. Бретая башка,
дай пирожка.

Акмола у.

50. Стрижка-бришка,
в ж..е кутышка.

51. Стришка-бришка,
попов парнишка.

52. Стриженный-паленый
под гору сваленый.

Мальта, Иркутск. г.

53. Стрижик-бретпк,
дай манетик.

54. Ябеда-беда,
тараканья еда.

И з д е в к и.

55. Андрей-воробей,
не клюй песок,
не точи носок.

Боровое.

56. Анна банна-вшивый бок,
титьки мягки, как клубок,
ж..а долга, как бадог.

57. Илья муромец—
на ж..е семь пуговиц,
восьмой фитиль.

Киренский у.

58. Балаган, мой балаган,
ты не знаешь, балаган,
как женился Петрован.

59. Спиха-корова
на печке спала,
калачи проспала.

60. Иман с бородой,
погонись за мной,
три копейки за тобой.

61. Алеша-балеша,
мать нехороша,
отец с кувшин,
борода с аршин.

Боровое, Кокчетав.

В тулунском варианте пер-
вое двустишие поется:

Алеха-лепеха,
мать поварсха.

62. Анна-банна
нога деревянна,
блин толстой,
каравай густой
Ср. № 21.

63. Борька косой
поехал по соль,
соли не купил,
а кобылу утопил...

64. Ванишна лиха
задавила петуха,

- питух пишит,
Ваньку за уши тащит.
65. Васька васенок,
худой поросенок
на камушке родился,
г . . шом (или кишкой) по-
давился.
Ср. № 97.
66. Егорка косой,
не ходи полосой,
тебя курицы не любят,
петухи в ж . . у клюют.
67. Иван-болван
с колокольни упал,
жена крива
молоко пролила.
Боровое.
68. Иван-болван
с колокольни упал,
лен сломил
мне не оставил.
Киринск. у.
69. Катюхà, Катюхà
задавила петуха;
петух г . . ны клюет
(конец забыт).
Боровое.
70. Катя, Катя, Катерина,
нарисована картина—
не чернилам, не пером,
из лохани помелом.
71. Колька-миколка
в ж . . е иголка,
ссыт, п . . ит,
колесо вертит.
Акмолинск. у.; Тулунск. у.
72. Коля-моля-селенга,
съел корову да быка,
пятьдесят поросят,
одни косточки висят.
Киренск. у.; Урульга.
73. Шура-мура-селенга
съел кобылу да быка,
семьсот поросят,
только косточки на колыш-
ках висят.
Иркутск.
Ср. № 88; ср. также:
Ванька-кумаханька
съел корову да быка,
три ушата молока,
да ишо голоднà,—
штоб ты язвило в бока.
Шабарта.
74. Галки вы, галки,
возьмите по палке,
убейте ворону,
снесите к Мирону.
75. Мишка-медведь,
научи меня п . . еть,
я п . . ну, ты поймай,
никому ни отдавай.
Ср. № 32.
В Перфиловой на это
отвечают:
Я буду ловить
да тебя кормить.
76. Мишка-медведь,
научи меня п . . . ть,
Мишка-медведь,
не умеешь сам п . . . ть.
77. Мишка-плишка,
жена—коротышка,
детки-малетки,
карантовки.
Верхоленский у., Тутура
78. Ах ты, Нютка-сера утка,
не летай с краю на край,
тебе вымажут ворота,
раскатают весь сарай.
79. Палеган, Палеган—
аржана лепешка,

капитан, капитан—
рваные штанишки ?

80. Петька-петух
на заваленке протух,
Акулина-чепуха
задавила петуха

Боровос.

Ср. № 100.

81. Как у Сани на носу
ели свиньи колбасу;
ели, ели три недели,
ели, ели—не досли.
Вариант:
Как у Сани на носу
ели черти колбасу;
ели, ели, не досли,
Сане в рот наб . . . сли.

82. Сенька-везенька
вез бабу на санках...
санки-то скок,
бабе-то в лоб!..

83. Степушка Степан
Степанидушку трепал,
Степанида у . . алась
Степа г . . ны убирал.

84. Федар-бѳбар
ходил на бар,
шишки брал,
штанишки рвал.

85. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал гуся.
сам: „боюся“...
Ср. № 101.

86. Федя-медя
съел медведя,
вы . . ал волка,
ж . . а долга.

Тулун, Урулыа и пр.

87. —Шурка-бурка-длинный
нос,
почем в городе овес?

— три копейки с пятаком,
Шурка едет с колпаком.

88. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка,
семьсот поросят,
одне лопаточки висят.

Ср. №№ 43, 72, 73.

Омск и др.

89. Цыган-мыган
кошку дрыгал
черным рогом
под порогом.
В варианте второе двусти-
шие:
Обдирал
да в рот толкал.

90. Беззуба талала,
тебя кошка родила,
поп крестил—
штаны спустил.
Менее известно шестисти-
шие, образуемое прибавле-
нием сюда двух стихов:
Попадья подбежала,
штаны поддержала.

91. Косой бес
пошел в лес,
срубил палку,
убил галку.

92. Вор-воришка
украл топоришка,
полез в окно,
упал в г . . но.

Тулун, Омск и пр.

В варианте первые два сти-
ха поются:
вор-ворина
украл топорица.

93. Коза-стрекоза,
вылуплены глаза,
волчий нос,
белый купорос.

94. Кошкина мать
собиралась умирать,
умереть не умерла,
только время провела.
95. — Жид порхатый
номер пятай
на иголочке распятай,
где твой дом?
— На базаре под г . . . ом
Омск.
Ср. № 41.
96. Андрей-воробей,
не гоняй голубей,
голуби несутся—
всем по яичку,
Андрею затычку.
Акмолинск. у.
97. Васька-васенок
худой парасенок,
на камушке родился,
г . . ном подавился,
др . . . ей обкатился.
Киренск. у.
Ср. №№ 65, 105.
98. — Дедушка Иван,
куды баушку девал?
— в карман заталкал,
она голосом ревет,
волоса себе дерет.
Шабарта
99. Санишна кишка
потянула три мешка,
стали мять—пудов пять,
стали весить—пудов десять,
поехали продавать.
В варианте первый стих
поется:
поселенская кишка.
100. Петька-петух
на завалеике протух,
яичко снес,
казакам отнес;
- казачки не берут,
Петьку за уши дерут.
Омск.
Ср. № 80.
101. Федя-медя
съел медведя,
продал душу
за лягушу,
за поганый котелок.
Боровое.
- В шарагульском варианте
конец читается: „за пра-
пашшава каня“, а в Ша-
барте „за собаччую кишку“.
Ср. №№ 85 и 86.
102. Баба-яга
костяная нога,
нос крючком,
голова сучком,
ж . . а ящичком...
103. Косой заяц,
нанес яиц,
вывел детей,
косых чертей,
тяжело ей было.
104. Хохлы-мохлы
все подошли,
один остался,
да и тот уср . . ся,
и тот подох.
105. Вася-васенок
худой поросенок,
залез в траву,
кричит: мяу,
залез в копну,
кричит: лопну.
Ср. №№ 65, 97.
106. Олька дура
в лес подула,
в лес пошла,
грош нашла,

- мыльца купила,
рыльце умыла.
107. Петька-петух,
на заваленке протух,
ичка снес,
на базар понес,
на базаре не берут,
Петьку за уши дерут.
Отмеченное разрядкой ино-
гда заменяется именем „сим-
патии“, например:
Симе понес,
Сима не берет...
Ср. №№ 80, 100.
108. Сонька дура. Сонька дура,
полюбила шшыкатура,
шшыкатур не дурак:
купил Соничке калпак,
Соня стала надевать,
шшыкатура плавать.
109. Мама ела редьку,
выкакала Федьку.
Федька воняет,
куриц гоняет,
курицы гогочут,
на яйца не хочут.
110. Вот татарин-бусарман
посадил девку в карман,
девка выскочила,
глаза выпучила,
побежала в огород—
испугала весь народ.
В близком варианте из Ки-
- ренского у. поется: „тата-
рин-бахтарман“.
111. Девичий пастух
девок пас,
в огороде завяз.
Увяз и кричит:
—девушки, матушки,
выньте меня,
не споконьте меня...
112. Ванька в баньке парился,
сучке в ножки кланился;
сучка дришшыт молочком,
Ванька лижет язычком;
сучка не влюбила,
Ваньку укусила—
сучка пестра
Ванькина кресна.
113. Катя-Катерина
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе,
три окошка во дворе.
Боровое.
114. Боба с Кокой,
Кока с Бобой—
парни удалые:
Боба—курица слепая,
Кока—миска суповая,
Боба-ангел, Боба-бог
и изодранный сапог.
(Конец забыт).
Новониколаевск.

П о д д е в к и.

115. —Скажи: баня.
—Баня...
—Тебя любит Ваня.
Таким же образом в диало-
гах рифмуется:
- двести—голова в тесте.
шестьдесят—сопли висят.
три—нос подотри.
чо—чирий на плечо.

120. чайник—отец начальник.
на бане лагун—отец колдун.
на бане веревка—ты (или
твоя мать) воровка.
аркан—отец таракан.
лопата—мать горбата.
125. венец—отец жеребец.
путо—отец ходит круто.
на печурочке (или на при-
ступочке) песок—откуси
г . . на кусок.
колокольня—твоя мать по-
койна.
на бане корыто—твоя мать
в земле зарыта
130. —Скажи: май!
—Май...
—Я п . . ну, ты поймай.
—Я буду ловить
да тебя кормит...
—А я наоборот,
через заплот
да тебе снова в рот...
- Киренский у.*
- В тулунском варианте:
—Я буду ловить
да тебя кормить.
—А я буду отворачивать
да тебе в рот заколачивать..
—Наоборот
да тебе все в рот.
131. —Тебе поклон послали.
—Хто?
—Маша.
—Кака Маша?
—Свинья наша...
Вариант:
—Чо-та мне седни йчитца.
—Верно, поминают.
—Хто?
—Маша...
132. —Спокойной ночи!
—Др . . . ать тебе до пол-
ночи...
133. —Дай мне...
—Рука в г . . не.
Существует продолжение:
вымой в лохани—
ишо будет погани.
Вариант:
—Дай мне...
—Рука в г . . не!
—Я вымою в лохани...
—Ишо будет погане.
134. —Дай серки...
—Пакапай в шшэлки,
Может, найдешь—
у сучки три кучки,
у серкя—два комкя.
Вариант:
—Дай серки...
—В нужнике в шшэлки,
у барбоза два воза,
у сучки—две кучки.
135. —Пойду домой...
—Домой?!
Был дом
под г . . ном,
шли татары
да растоптали.
136. —Я буду рассказывать, а
ты говори: „и я тоже...“
—Ладно.
—Пошли мы в лес.
—И я тоже.
—Вырубили корыто.
—И я тоже.
—Налили помои.
—И я тоже.
—Свиньи стали ись.
—И я... тоже.
—А ты разве свинья?

137. — Говори за мной: „ну“.
— Идет.
„Посадил дед в подполье
репку“.— „Ну“.
„Репка выросла большая,
до полу“.— „Ну“.
„Дед прорубил пол“.— „Ну“.
„Она росла, росла“.— „Ну“.
„Доросла до потолка“.
— „Ну“.
„Дед прорубил потолок“
— „Ну“.
„Репка росла, росла“.
— „Ну“.
„Доросла до крыши“.
— „Ну“.
„Дед прорубил крышу“.
— „Ну“.
„Репка росла, росла“.
— „Ну“.
„Выросла до неба“.— „Ну“.
„Стал дед дергать репку“.
— „Ну“.
„Дергал, дергал“.— „Ну“.
„Выдернуть не может“.
— „Ну“.
„Позвал бабу“.— „Ну“.
„Дергали, дергали“.— „Ну“.
„Выдернуть не могут“.
— „Ну“.
„Позвали внучку“.— „Ну“.
„Дергали, дергали“.— „Ну“.
„Выдернули репку“.— „Ну“.
„И внучка велела плюнуть
тому, кто говорил: ну...“

Тулун-посллок.

138. — Говори за мной: „как“.
— Ладно.

„Пошла баба в кабак“.
— „Как“.
„Напилась пьяная“.— „Как“.
„Пришла домой“.— „Как“.
„Мужик стал ее бить“.
— „Как“.
„А вот так!“
С последними словами сле-
дует удар в спину.

Тулун-посллок.

139. По адресу перешептываю-
щихся в присутствии других
говорится:
Шоп-шоп,
нас . . у в горшок.
140. Ответом служит стихотво-
ренье:
Указчику
г . . а за щеску;
за другу—
табаку...
„Указчиками“ ребята назы-
вают тех, кто жалуется на
товарищей, выдает их, тех,
кто вмешивается не в свое
дело. Это стихотворенье
используется во всех по-
добных случаях.
141. Распределни места на общей
постели, говорят:
Я с краю-раю,
медок поедаю;
ты в середине—
в золотой веревке...
(Конец забыт).

Шараул.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

¹ Интерес к произведениям детского словесного творчества утрачивается довольно рано: участие в детских забавах и, в частности, в исполнении детских песенок двенадцати-тринадцатилетних ребят расценивается в деревне как явление не совсем привычное. Не говоря уже о том, что взрослые забывают тексты песенок, распеваемых ими в детстве, они утрачивают вкус к детским мелодиям и не сохраняют их ни в одном из видов песенного творчества. В то время, как для детей их песни, прибаутки, присказки наполнены неисчерпаемо богатым содержанием и порождают у них „ряды страстных ассоциаций“, для взрослых почти все эти произведения—бессмысленный набор слов, а мелодии—едва терпимые однообразные и резкие звуки, уже не вызывающие работы воображения. Видимо, здесь и надо искать объяснение того явления, что детский фольклор в целом и его отдельные виды для этнографов и народнословесников остаются едва видимыми и редко упоминаемыми фактами.

² П. В. Шейн—Великоросс в своих песнях, обрядах etc. Спб. 1900, I, стр. VIII.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Подобный процесс совершается с некоторыми видами устно-народной словесности на наших глазах. Наблюдения, относящиеся к Тулунскому уезду Иркутской губернии, показывают, что напр., народная драма, спускаясь в детскую среду, выпадает из репертуара взрослых. „Царя Максимиана“ теперь нужно искать в числе сезонных игр, сохраняемых детьми-школьниками.

⁵ Шейн—назв. соч.; стр. XIV.

⁶ Там же, стр. 29. Шейн приводит 63 текста такого рода произведений, записанных в разных губерниях России: стр. 29—37.

⁷ Труды статистическо-этнографической экспедиции в Западнорусский край. Спб. 1877, IV; стр. 36.

⁸ Программа для собирания сведений о деревенском быте. Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. за 1901 г.; стр. 14.

⁹ А. Молотилов—Говор русского старожилого населения северной Барабы. Труды Томского Общества изучения Сибири, 1913, т. II, в 1; стр. 89—92.

¹⁰ Там же; стр. 87.

¹¹ Lucian Müller—Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie. St.-P. 1884, p. 105.

¹² Н. В. Гоголь—Сочинения. Спб. 1898, т. V, 213.

¹³ Эта черта детского характера отмечается не только специалистами в области изучения психологии детского возраста; на ней останавливают свое внимание художники слова; достаточно напомнить утверждение Эврипида, что „страдания детей не занимают“ („Медея“, перев. Инн. Анненского), или Достоевского, у которого читаем: „Дети в школах народ безжалостный: позволь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны“ (Собр. соч., изд. „Просвещение“, XVI, 351). На ту же тему пишут обозреватели жизни наших дней. В качестве примера (одного из очень многих) можно указать „образец буколических детских игр“, который находим в статье Виктора Финка—„Новый быт“. Русский Современник, 1924, книга III, стр. 202.

Детская сатирическая лирика.

¹⁴ В поисках „истоков драматургии“ оставлять этот момент незамеченным едва ли основательно.

¹⁵ *Horatius—Epistularum*, II, 1; 146—150.

¹⁶ Молотилов—назв. выше соч.; стр. 91.

¹⁷ И. П. Хрущов—О „материалах для этнографии уличной жизни детей“, собранных К. С. Рябинским. *Известия Р. Г. О.* 1885, т. XXI; стр. 543.

¹⁸ Из записей, сделанных в Тулуно-поселке.

¹⁹ В связи с этим наблюдением напрашивается предположение: создавая частушки, не пользуется ли в некоторых случаях молодежь запасами образов, оборотов, слов, унаследованными из детского фольклора, и частности из издевок.

Приспособление частушек или даже использование их в качестве издевок—вещь легко объяснимая. Частушка взрослых тоже нередко носит эпиграмматический характер; она, как некоторые из издевок, злободневна; сходство наблюдается в объеме отдельных произведений, иногда и в метрике. В качестве примера такого использования частушек могу указать текст, помещенный под № 106: в 1919 г. я записал его от девиц в Громах на Ангаре, как частушку.

²⁰ Песенки заучиваются и распространяются детьми, можно сказать, сами собою. В той или иной детской группе выделяется своими наклонностями и способностями какой-нибудь Спирька Ромашихин—„сатиры смелый властелин“, который подчиняет своему влиянию всех, кто живет жизнью этой группы: ему подражают, у него перенимают, усваивают его ионадки, его язык, его репертуар; все это делается достоинством группы, более или менее значительного числа подражателей, составляющих, так сказать, „школу“ Спирьки Ромашихина. Такие группы—„школы“ бывают в сборе ежедневно, чуть не ежедневно, особенно малыши. „Нередко,—говорит Молотилов (стр. 92),—можно наблюдать в деревне такую картину. Кучка ребят 5—8 лет, взобравшись, например, на крышу или забор, или поместившись где-либо уютно в сеничке или на полянке, хором читают нараспев или поют в унисон“ разные песенки. При многократном повторении их они невольно закрепляются в памяти исполнителей и слушателей.

²¹ Может быть, не будет лишней пометка, что сатирическая лирика не может рассматриваться, как непосредственное „отражение“ детской среды, ее быта и т. д. Надо знать, что издевкик ничего не пожалсет для едкого слова. Если насмешка „вшивый барин“ (№ 48) зачастую имеет за собою фактическое основание, то „вошь на пузе“ (№ 24), например,—обычно только прозвище, которое можно пристегнуть любому Кузе, а не констатирование действительного факта. Единственный повод у издевкика—желание сказать что-нибудь „задирающее“ и единственное основание—возможность удачной рифмовки.

²² См. примеч. 24-е.

²³ Некоторые наблюдения в этой области сделаны Р. Якобсоном в брошюре „Новейшая русская поэзия“, Прага, 1921; см. стр. 41—42, 55, 58—59

²⁴ Издевки—произведения *устного* творчества, поэтому говорить здесь о „строках“ едва ли правильно; я пользуюсь словом „стих“, имея в виду осязаемый исполнителями и слушателями ритмический ряд, часто отграниченный от других рядов рифмой.

²⁵ См. мой „Детский народный календарь“, нотное приложение. *Сибирская Живая Старина*, в. II, 1924.

²⁶ Ср. В. Жирмунский—Рифма, ее история и теория. Спб. 1923; стр. 13

²⁷ Выражение „рвать штаны“ часто используется в качестве условного обозначения непрозвонного громкого газоиспускания, так же как, напр., фраза „татарину долг отдавать“—в значении глагола испражняться.

²⁸ Арефьев—Образцы народной словесности. *Известия Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О.*, т. XXXII 1901, № 1—2; стр. 92.

²⁹ Записки Станиловского. *Труды Вост.-Сиб. Отд.*, т. 7, 1912; стр. 170.

³⁰ М. Кузмин—Условности, П., 1923, стр. 173.

³¹ Вариант см. под № 141.

³² Эти „пять костров подовинных дров“ фигурируют и в потешках, записанных мною в Тулунском уезде. Вариант-шестистишие, проводимое Шейном (I, стр. 35, № 198),—тоже образован слитием призовидного здесь и всюду известного двустушия с стихотворным заговором, произносимым в предупреждение появления ячменя. Ср. *Жив. Ст.* 1915, IV; стр. 344. Этот заговор сообщается детям, как только они смогут удержать в памяти небольшой и удобный для запоминания (вследствие стихотворной формы) текст. Вариант-четверостишие, сообщаемое Молотиловым (стр. 93), начинается тем же общераспространенным двустушием.

³³ Мне лично и моим сотрудникам нигде не приходилось слышать некоторые из приводимых в „Материалах“ издевок (№№ 73—второй текст, 82, 93 и некот. др.); мною они записаны (в Шабарте) со слов людей, запомнивших их с середины прошлого столетия. Возможно, что эти старые тексты могут считаться уже утраченными, выпавшими из современного детского фольклора. Но для каких-либо утверждений указанных фактов, конечно, недостаточно.

³⁴ В Шабарте, напр., в детский репертуар того времени входили №№ 63, 65, 66, 75, 77, 80—84, 86, 90, 92, 94, 95, 98, 99, 102, 107, 112.

³⁵ Приходится пожалеть, что мы не имеем ни местных словарей детского обыденного языка, ни словаря поэтической речи детей. Простой просмотр сообщаемых текстов обнаруживает в них наличие слов, нуждающихся в пояснениях. Вот краткие пояснения некоторых.

Бахтарман—басурман; *брэтик*, *брёшка*—бритый; *везьнька*—тот, кто возит; *монэтик*—монета; *ляйш*—пренебрежительное название ребенка из интеллигентной семьи; *накласть* (№ 28)—оставить испражнения; *пльшка* (№ 7)—исп.; *сліха*—тот, кто поздно встает; *стрижок*—стриженный; *талаал*—звукоподражательное прозвище, даваемое тем, кто неясно выговаривает слова, напр., вследствие потери зубов; *черемушечка*—черемуховый прут.

Эта дразнилка, сообщенная мне Д. В. Сизых, теперь, кажется, вышла из употребления, а лет 20—30 назад ее знали все куйтунские ребята. Увидев бурята, едущего на своем одре по селу, они выбегали ему навстречу и пели... Пользуясь наступившей паузой, кто-нибудь скажет: „Братскай, а братскай, смотри-ка!..“ Поплюет в ладонь правой руки, оботрет ее о то место своих штанишек, которое прикрывает мягкие части, и покажет „кугйшку“. Бурят стегнет черемушкой лошадку, а ребята бегут за ним и вдогонку поют: „Братскай, братскай на орде“...

Понимание смысла некоторых издевок дается только по ознакомлении с обстоятельствами, вызвавшими их появление. Содержание их далеко не всегда поддается пересказу в какой-либо иной форме, так как и в детских издевках, относящихся к лирическим произведениям, заметно сказывается слитность содержания и его словесного выражения. Данную эпиграмму можно было бы многократно „перевести“, примерно, так: „Чудак ты, Павел! Стать капитаном—разве это легкое дело? Как ты, бедняк, питающийся ржаным хлебом и одевающийся в рваное платье, можешь мечтать об этом?..“ Быгрывая в отношении удобопонятности для постороннего слушателя, это четверостишие лишается в пересказе всех свойств, присущих художественному произведению.

